

Латинские образцы польской диалектной фразематики

В данном случае рассматриваются латинские кальки в польской диалектной фразеологии. Как оказалось, из польского литературного языка в польские говоры проникло множество фразем латинского происхождения. Их источники делятся на три вида: 1) античные (мифология и словесные выражения людей), 2) библейские (Священное Писание), 3) средневековые (легенды, басни и предания). Количество латинских фразематических калек в польских говорах невозможно точно подсчитать в связи с тем, что понятие «диалектная фразема» толкуется по-разному. Один подход подразумевает под «диалектной фраземой» единицу, неизвестную в польском литературном языке. Согласно другому подходу, трактующему говор как код, который не зависит от польского литературного языка, фраземой являются все единицы, зафиксированные в польских говорах, вне зависимости от их происхождения.

Несмотря на то, что польский язык не родственен латинскому, примеры влияния латинского языка на польский достаточно многочисленно представлены в разных разделах языка, начиная с акцентологии (некоторые слова, такие как *fizyka*, *matematyka*, *gramatyka*, согласно нормам польского языка, имеют такое же ударение, как и в латинском, т.е. ударным слогом будет третий слог с конца), словообразования, морфемике (окончание *-a* в формах *akta*, *grunta* тоже имеет латинское происхождение), лексики, синтаксиса, заканчивая стилистикой и фразематикой. О латинских заимствованиях в польском языке писали уже неоднократно (Анна Ленартович-Заграда (Lenartowicz-Zagroda 2014) сравнила более 200 работ, посвященных этой тематике), однако фразематические взаимосвязи между латынью и польскими говорами до этого времени не были темой отдельных работ. Запас общепольских фразем, которые являются кальками латинских, достаточно обширен. Исходя из списка, выложенного в интернете²⁹, их более 800 (восемисот) единиц. Это фраземы, зафиксированные во всех лексикографических источниках, специализированных исследованиях, например, предназначенных для историков. Разумеется, только часть единиц употребляется в современном языке, и в основном образованными людьми. Однако мы не располагаем перечнем фразем, в которых только компоненты являются латинскими заимствованиями.

Польско-латинским фразематическим заимствованиям (а точнее фразематическим калькам с латыни) уделено много внимания в сборниках Юлиана Кшижановского *Mądrej głowie dość dwie słowie* (MG), *Nowej*

²⁹ https://pl.wikiquote.org/wiki/Sentencje_i_zwroty_%C5%82aci%C5%84skie.

księżde przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich (НКРР), а также в отдельной статье (Krzyżanowski 1960). В свою очередь Кристина Вейссенхофф-Брожкова (Weysenhoff-Brożkowa 1997) занялась старопольской фразеологией, переведённой на латынь, а именно латинскими фразеологическими кальками со старопольского языка.

Целью данной работы является обсуждение влияния латыни на польскую диалектную фразематику. Как оказалось, латинское влияние проявляется прежде всего в паремиографии. Обучение латинскому языку состояло, в первую очередь, в заучивании устойчивых выражений, а поскольку пословицы имеют главным образом поучительный характер (назидают, указывают на правильное поведение), то они являлись прекрасным материалом школьной дидактики. Таким же важным источником латинской фразематики была деятельность Католической церкви: до Второго Ватиканского собора в литургии использовали латынь. В результате *adagia* (пословицы древнеримского и древнегреческого происхождения) и *proverbia* (пословицы из Священного Писания) сформировали огромный пласт польской паремиологии.

Как известно, территориальные разновидности польского языка возникли на базе племенных диалектов (мазовшане – мазовецкий диалект, малополяне – малопольский, великополяне – великопольский, силезцы – силезский). Однако влияние на формирование современных диалектов имел также литературный польский язык. Его влияние на всех уровнях языка особенно усилилось после Второй мировой войны. Наличие в говорах фразематических калек из латыни следует объяснять, в первую очередь, влиянием польского литературного языка, тогда как непосредственное влияние в данном случае маловероятно, хотя абсолютно исключать его нельзя.

В подавляющем большинстве случаев взаимодействие это выглядит следующим образом: латинская фразематика → фразематика польского литературного языка → диалектная фразематика. Мы имеем тут дело с внешними заимствованиями (латинская фразематика → общепольская фразематика) и внутренними (общепольская фразематика → диалектная фразематика).

Хронологию заимствований этих латинизмов собственно говорами трудно установить ввиду отсутствия учёта диалектов в прошлом. В случае с этим пластом лексики мы можем рассматривать материал только синхронно.

Анализ материала

На фразематике латинского происхождения основываются, прежде всего, кальки пословиц (в данном случае не рассматриваются полукальки). В их пределах можно выделить три типа единиц в зависимости от их происхождения: 1) из римской античности (мифология и высказывания известных людей), 2) из Библии (Священного Писания, Учения Церкви), 3) из средневековых текстов (литература).

1. Кальки adagia

Кальки adagia были взяты в виде сопоставления античных пословиц и их аналогов в разных языках (напр. Arthaber 1900; Strauss 1994). Стоит обратить внимание на несколько примеров, которые вошли в польские говоры.

1.1. Латинская пословица *Invenit interdum caeca columba pisum* имеет аналоги во многих языках, сравните, например: *Trafilo sa ako slepej kure zrno* (словацк.); *I slepé kuře najde zrno* (чешск.); *wutrjechić něšto kaž slepa kokoška wačku* (верхнелужицк.); *slepa kura včasih zrno najde* (словенск.); *Ein blindes Huhn findet auch mal ein Korn* (нем.); *Even a blind hen may occasionally pick up a grain* (англ.); *Even a blind pig can find an acorn once in a while* (англ.); *Sometimes a blind pigeon finds a pea* (англ.); *Blind hóne kann og finna eit korn* (норв.); *En blind hóne finder også et korn* (датск.); *A vegades una gallina cega troba un gra* (каталонск.); *Akla vista arī graudu atrod* (латышск.); *Pime kana leiab vahel ka tera* (эстонск.); *Vak tyúk is talál szemet* (венгерск.).

Эта пословица широко известна также в различных польских говорах, сравните: *Trafilo sie jak ślepy kurze ziárko* (общедиалектн., напр.: Świątek 1893, 682; Rak 2005, 135); *Trefi sie i ślepy kurze zorko* (цешинск., Ondrusz 1960, 124); *Idzie mu o to, jak ślepej kurce o zorko* (цешинск., Ondrusz 1960, 50); *Skapało mu jak ślepej kurce zorko* (цешинск., Ondrusz 1960, 112); *Prziszel ku tymu, jak ślepo kurka ku zorku* (цешинск., Ondrusz 1960, 106). Конечно, отмечают эту пословицу также и кашубские словари: *To mu sę tak trefiło, jak ślepy kòkòszy zárko* (кашубск.); *těj sěj i slepô kura zôrko wëgrzebie* (кашубск.); *i slepô kura czasem zôrko naléze* (кашубск.).

Однако в этом случае языком, посредством которого происходило заимствование, мог быть не только польский, но и немецкий. Можно утверждать, что носители говоров или польского литературного языка не осознают иностранное происхождение данной пословицы в первую очередь потому, что паремия связана с домашними, сельскими реалиями. Поэтому она может восприниматься как исконно польская, народная пословица.

1.2. Такую же широкую сферу употребления имеют древние пословицы *In risu agnoscitur fatuus* (лат.) и *Per risum multum poteris cognoscere stultum* (лат.), сравните, напр.: *Смех без причины – признак дурачины* (рус.); *По надмірному сміху ти зможеш пізнати дурня* (укр.); *Am Lachen erkennt man den Toren* (нем.); *Am Lachen und Plarren erkennt man den Narren* (нем.); *A fool is ever laughing* (англ.); *A fool will laugh when he is drowning* (англ.); *Too much laughter discovers fooly* (англ.); *Au rire on connaît le fou* (франц.); *Plus on est de fous, plus on rit* (франц.); *Es muy frecuente la risa an la boca de necio* (исп.); *É frequente o riso, na boca de quem não tem siso* (порт.); *Dal riso molto conosci lo stolto* (итал.).

Аналогом этой латинской пословицы в польском языке является

пословица *Poznać głupiego po śmiechu jego*. В интернете встречаются и другие её варианты: *Poznać głupiego po czynach jego* и *Poznać głupiego po słowach jego*.

Первая из упомянутых единиц встречается также в говорах, часто в сокращённом виде, ср., например: *Poznać głupigo po śmiechu* (цешинск., Cinciała 1885, 32). Ассоциация «смех = глупость» отвечает за мотивацию в целой серии фразеологизмов, ср., например: *Niy ma jak głupimu, śmieje sie, nie wiy czymu* (цешинск., Ondrusz 1960, 92), а также сравнения: *śmiać się jak głupi do sera* (лит., общедиалектн., напр. Rak 2005, 132), *śmiać się jak głupi piwu / placku / do jajeczniczy / do klusek / do wątroby* (НКРР III, 441–442); *śmiać się jak głupi do kołacza* (польск. разг.); *śmiać się jak sroka do sera* (НКРР III, 442); *śmiać się jak szkapa do owsa* (польск. разг.); *śmiać się jak Filip na jelito* (цешинск.).

Последний вариант используется в польских говорах в Цешинской Силезии (т.е. на территориях, где польский язык соприкасается с чешским) и отражает заимствования из чешского языка, ср.: *smát se jako Filip na jelito* (чешск.); *smát se jako Honza na jelito* (чешск.), *usmívat se jako Honza na jelito* (чешск.). Стоит добавить, что в чешском языке имя Гонза функционирует и как определение глупого человека, ср.: *být jako hloupý Honza; stát jako Honza; tvářit se jako hloupý Honza*.

1.3. Часто взаимосвязь польских паремий с латинскими более сложная. Древнегреческая пословица *Bous epì glottes*, перешла в латынь как *Bos in lingua* (дословно: «бык в языке») и была использована для определения человека, который не хотел признавать в суде свою вину. В Средние века на основе этой пословицы появился анекдот о судье, которого хотела подкупить одна из сторон, подарив ему быка. Другая сторона решила подкупить жену судьи, подарив ей корову. В результате при вынесении решения, судья принял сторону вторых, объясняя своё решение тем, что корова запрещает быку говорить (MG III, 201–203). Этот анекдот был переведён на польский язык, а в 1530 году появилась пословица *Bieda temu domowi, gdzie krowa doboda wołowi*. В НКРР (III, 760) приводится много сведений об этой пословице. В польских говорах, кроме номинального действующего лица, существуют и вариативные, например: *Bieda takim dworowi, kaj rozkazuje krowa wołowi* (общедиалектн., напр. цешинск.; Ondrusz 1960, 16). Семантический и синтаксический анализ: «плохо там, где роли перевернуты» восходит не только к оппозиции «Бык – Корова», но также и к оппозиции «Петух – Курица», сравните словацк. *Nešťastný taký dom býva, kde kohút mlčí a sliepka spieva; Nešťastný taký dom býva, kde kohút mlčí a sliepka kričí; Nešťastný taký dom býva, kde kohút kotkodáka, a sliepka kikiríka* или «мужчина – женщина», ведь речь идёт именно об этой оппозиции, ср.: *Bieda w tej chałupie, w której baba chodzi w gaciach* (подгал., Rak 2007b, 171), *Beda tomu domu, kde chlap nosí kytľu, a žena gate; Beda tomu domu, kde chlap nosí kytľu a žena nohavice; Beda tomu domu, kde muž nosí praslicu a žena palicu*. Сокращёнными формами этой пословицы будут: *chłop chodzi w sukni, a baba w galotach* (цешинск.); *chłop chodzi w spódnicy*,

a baba w galotach (силезск.); *tam chłop chodzi w spódniku, a białka w buksach* (кашубск.). Или ограничивается только указанием на мужчину – *[ktoś] chodzi w babskiej koszuli* (келецк., Rak 2005, 38).

Критика мужчины в фразеологии приписывает ему женские черты, действия или качества, т.е. обесценивает его, ср.: *[ktoś] nadaje sie [do czegoś] (jak) do macania kur* (келецк., Rak 2005, 89); *[komuś] pasuje kury macać, a nie [robić coś]* (лит.). В польскую историю и политику вошло крылатое выражение Юзефа Хлопицкого: *Im kury macać, a nie rewolucję robić*, которое Юзеф Пилсудский переделал следующим образом: *Wam kury szczać prowadzać, a nie politykę robić*.

2. Кальки proverbial

Около 100 польских фразем библейского происхождения описал в своей книге Станислав Козыра (Kozłara 2001), а также собрали в своих словарях Ян Годынь (Godyń 1995) и Анна М. Коморницкая (Komornicka 1994). К Евангелию от Матфея (7,15): «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные» восходит фразема: *lupi in vestimentum ovium* (лат.), которая известна, вероятно, во всех европейских языках, ср.: *wilk w owczej skórze* (общепольск.); *vlk v ovčom rúchu* (словацк.); *vlk v beránčím rouše* (чешск.); *волк в овечьей шкуре* (рус.); *вовк в овечій шкурі* (укр.); *вук у жагњећој кожи* (сербск.); *volk v ovčji koži* (словенск.); *Wolf im Schafspelz* (нем.); *wolf in sheep's clothing* (англ.); *ulv i fåreklær* (норв.); *ulv i fårakläder* (шведск.); *loup déguisé en agneau* (франц.); *lobo con piel de oveja* (исп.); *lupo con la pelle dell'agnello* (итал.); *lobo em pele de cordeiro* (порт.); *A farkas gyakorta juhörbe öltözik* (венг.). Эта интернациональная, библейская по своему происхождению фразема, конечно, появилась и в польских говорах, сравните: *wilk w owcy skórze* (общедialeктн., напр. подгал., Rak 2007b, 93, 98, 169).

К Книге Иисуса Навина (6, 20) «Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом, и обрушилась стена до своего основания» восходит фразема *trąba jerychońska* (общепольск.). В польском литературном языке данное выражение употребляется для характеристики беспомощного, бездарного и, что важнее всего, приземлённого человека. В свою очередь, в келецком говоре данная фразема приобретает иное значение: плаксивый ребенок. Эта фразема существует и в других языках, ср.: *trúba jerichovská* (словацк.); *Jerichove trúby* (словацк.); *иерихонская труба* (рус.).

3. Кальки средневековых пословиц

Отсылкой к средневековой басне (в польском народном варианте её записал Оскар Кольберг (Kolberg 1875, 144–145), а точнее, к её остроумному заключению, является пословица *Quod non potest diabolus, mulier evincit*. В басне рассказывается о том, как старуха за дьявольский мешочек с деньгами рассорила дружных супругов (MG I, 48–51). Кроме польского языка *Gdzie diabeł nie może, tam babę pośle* (польск.) и его

говоров *Ka diabol ni moze, tam babe pošle* (общедиалектн.) эта пословица известна во многих других языках, сравните: *Kde čert nič nemôže vykonať, to pošle (postrčí) starú babu* (словацк.); *Куда чѣрт не поспеет, туда бабу пошлѣм* (рус.); *Wohin der Teufel nicht selbst kommt, da schickt er ein altes Weib* (нем.); *Wo der Teufel nicht selbst hin will, schickt er einen Pfaffen oder ein altes Weib* (нем.); *Ciò che non può il diavolo, l'ottiene la donna* (итал.).

Что интересно, по распространенному мнению, в Германии (ср. высказывания в интернете³⁰) в этом случае мы имеем дело с русским или польским заимствованием. Однако немецкий вариант басни и пословица были записаны в «Ingolstädter Wochen-Blatt» от 13 июля 1845 г. (с. 227–229). Как оказалось, этой пословицы не существует в современном английском языке. Особенно популярной эта пословица была в Германии в 2015 году. Тогда же она появилась в различных мемах, ср.:

Средневековая латинская пословица *Merito hunc manducant sues, qui se miscet inter furfures* в варианте с ценками *Hunc catulus comedit, qui se cum fufure miscet* известна также и в польском литературном языке *Kto się z plewami miesza, tego świnie zjedzą* (лит., общеупотр.), и в кашубском языке: *Jak wpadniesz w drank, to cę swinie zjedzą* (кашубск.); *Chto s swiniami légá, teho swinie zjedzą* (Сеунова 1866, 24), и в говорах, ср.: *Nie lýź miyndzy plewy, bo cie świnyne zežeróm* (цешинск., Ondrusz 1960, 88); *Kto się miesza między plewy, tego świnie zjedzą* (цешинск.); *Dać się z plewami, to i świnie*

³⁰http://www.russian-online.net/fragen/current_message.php?id=7377;
<https://gloria.tv/article/G76dYsoJoP3N6PV2CrBgkfhc2;>
<https://www.siebenbuerger.de/forum/allgemein/2184-zitat-des-tages/seite53.html>
[https://www.gutefrage.net/frage/was-bedeutet-foelgender-spruch-definition.](https://www.gutefrage.net/frage/was-bedeutet-foelgender-spruch-definition)

zjedzą (келецк.); *Nie miesáj sie z płowami, bo cie świnié zjedzom* (подгал., Dembowski 1894, 66); *Kto sie miésá w plewy, tego świnié zjedzą* (Świętek 1893, 667).

Огромное количество сведений об этой польской пословице содержит НКРП (III, 491). Она известна также в других языках, ср.: *Kto sa mieša medzi otruby, svine ho zežeru* (словацк.); *Tko se miješa u mekinje, pojest će ga svinje* (хорватск.); *Kdor se med pleve pomeša, tego požrejo svinje* (словенск.). В немецком языке в этой пословице тоже говорится о свиньях: *Wer sich unter die Kleine mischt, den fressen die Schweine*. Объясняя эту пословицу, Фридрих Зейлер (Seiler 1922, 95) отмечал, что, вероятно, первоначально в пословице речь шла о собаках, так как именно их кормили мякиной.

Таким образом, латинско-иноязычные (и функционирующие в говорах) фраземы не являются результатом влияния античной культуры, Церкви или Седневековья, а относятся к «натуральной фразеологии», к которой, по терминологии Ст. Скорупки, относятся фразеологизмы, возникающие в разных языках независимо друг от друга, т.е. являющиеся фразеологическими универсалиями (ср.: Skorupka 1949, 9–14; 1965, 119). В качестве примера можно привести пословицу *Cattus saepe satur cum capto mure iacatur* (лат.), *bawić się jak kot z mysz(k)ą* (лит.; общедиалектн., напр., Rak 2007b, 58); *pohrávat si s někým jako kočka s myší* (чешск.); *igrati se z kot kot mačka z mišjo* (словенск., Keber 1996, 193); *играть, как кошка с мышью* (рус.); *mit einem spielen, wie die Katze mit der Maus* (нем.); *Der Katze Scherz ist der Mäuse Tod* (нем.); *play cat and mouse* (англ.). Именно к этой интернациональной фраземе восходит и название детской игры «*кошки-мышки*».

Другие примеры, которые можно отнести к так называемой натуральной фразеологии:

а) *chodźić jak błędna owca* (лит.; общедиалектн.), *chodźić niby owca* (подгал., Rak 2007b, 90, 93, 169), *chodźić jak błędny* (келецк., Rak 2007b, 90); *chodí ako stratená ovca* (словацк.); *zablúdená, zatúlaná, stratená ovca* (словацк.); *зablудшая овца (овечка)* (рус.); *izgubljena (zalutala, zabludjela) ovca (ovčica)* (хорватск.). Мотивация данных пословиц восходит к Книге Исаяи (53, 6): «Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу», либо к Книге Псалмов (118, 176): «Я заблудился, как овца потерянная».

б) *jest [czegoś] jak gwiazd na niebie* (лит., общедиалектн., напр. Rak 2007a, 106), *tolko je toho ako hviezd na nebi* (словацк.); *annyi mint a csillag az égen* (венг.). Этот пример можно интерпретировать и как натуральный фразеологизм, и как фразеологизм, имеющий библейское происхождение, восходящий к Книге Бытия (15, 5): «И вывел его вон и сказал: посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. И сказал ему: столько будет у тебя потомков».

Стоит добавить, что разделение заимствований и параллельных фразем в разных языках требует тщательного анализа языкового материала

и соответствующей методологии, о чём подробно писали в отношении немецких заимствований в русском языке В.М. Мокиенко (Mokienko 1993) и А.К. Бирих (Бирих 2018).

В заключение хочется поднять вопрос о том, насколько многочисленны латинские фразематические кальки в польских говорах. Как оказалось, точно этого нельзя подсчитать, и вот почему. Во-первых, мы располагаем не общедialeктным фразематическим словарем, а только работами, которые представляют собой общий обзор польской диалектной фразематики. Во-вторых, подсчёту этого запаса препятствует двоякий исследовательский подход. В дифференциальном понимании диалектная фразема – это фразема, которая неизвестна в польском литературном языке. Исходя из второго подхода (трактующего говор как код, который не зависит от польского литературного языка), диалектными фраземами являются все единицы, зафиксированные в говорах. Следовательно, разница в определении количества латинских фразематических калек будет весьма значительной.

Татьяна Геннадьевна Никитина, ПсковГУ, Псков, Россия
cambala2007@yandex.ru

Фразеологические заимствования в русском языке: вторая волна адаптации³¹

Представлены результаты комплексного анализа современных трансформаций фразеологизмов, заимствованных в русский язык из французского и немецкого языков. Рассмотрены коммуникативно-прагматические факторы и механизмы трансформаций. Показаны возможности лексикографической репрезентации трансформаций заимствованной фразеологии.

Как известно, при заимствовании языковые единицы, в том числе фразеологизмы, подвергаются адаптации в языке-реципиенте. Так, при беспереводном заимствовании большинство фразеологизмов графически переоформляются: рус. *шерше ля фам* ← фр. *cherchez la femme*. В случае с полукальками этот процесс затрагивает отдельные компоненты фразеологической единицы (ФЕ): рус. *пить на брудершафт* ← нем. *Brüderschaft trinken*. Графическое переоформление заимствования или его фрагмента при этом строится с учётом фонетической адаптации иноязычного материала и звуко-буквенных соотношений в русском языке.

Грамматическая адаптация наблюдается при калькировании фразеологических единиц и в полукальках в случаях несовпадения средств выражения определённых логико-грамматических отношений в двух

³¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете)